

Валерий Брюсов

**«Жизнь человека»
в Художественном театре**

Валерий Яковлевич Брюсов

«Жизнь человека» в Художественном театре

«Все новые произведения Л. Андреева возбуждают внимание критики и общества, об них пишут, говорят, читают лекции, беседуют. Надо признать, что это – вполне заслуженно: Л. Андреев – талант истинный, выдающийся. Среди современных беллетристов он должен занимать одно из первых мест, хотя, может быть, и не самое первое, какое так охотно предоставляет ему дружеская критика...»

**Валерий Брюсов
«Жизнь человека»
в Художественном театре**

Все новые произведения Л. Андреева возбуждают внимание критики и общества, об них пишут, говорят, читают лекции, беседуют. Надо признать, что это – вполне заслуженно: Л. Андреев – талант истинный, выдающийся. Среди современных беллетристов он должен занимать одно из первых мест, хотя, может быть, и не самое первое, какое так охотно предоставляет ему дружеская критика.

За Л. Андреевым уже насчитывается ряд сильных и удачных созданий, которые присоединятся к общему богатству русской литературы. Многие мелкие рассказы первого периода его деятельности, как «В тумане», «Бездна», и более крупные вещи позднейших лет, как «Жизнь Василия Фивейского», «Мысль», «Призраки», – имеют право если не на так называемое «бессмертие», то на жизнь не менее долговую, чем рассказы И. Тургенева или Гюи де Мопассана.

Л. Андреев представляется нам хорошим, талантливым писателем, но вовсе не мировым гением. Не ставя Л. Андреева в смешное и ложное положение, можно его равнять

с выдающимися писателями, нашими и западными, но лучше остеречься и не проводить параллели между Л. Андреевым и Шекспиром, Л. Андреевым и Достоевским, Л. Андреевым и Ибсеном.

Почему же так? Каких же элементов нет в творчестве Л. Андреева, из-за чего не вправе он предъявлять своего требования на место в мировом пантеоне литературы?

У Л. Андреева есть свой стиль. Его узнаешь с первых строк без подписи. Это – первое испытание, которому должно подвергаться писателя, – и Л. Андреев выходит из него торжествующим. У Л. Андреева есть умение изображать, рисовать четко, выпукло и ярко. Его картины запоминаются; созданные им лица живут между нами. У Л. Андреева есть фантазия, – порой он насилует ее, но часто она совершенно свободно перекидывает через его страницы свои радуги. Л. Андреев умеет «выдумать», подступить к своему сюжету с неожиданной стороны.

Это все сильные стороны творчества Л. Андреева.

Всем им противопоставляется одна слабая,

но эта одна едва ли не уравнивает те три.

Талант Л. Андреева – талант некультурный. Л. Андреев, как художник, не связан с высшей духовной жизнью своего времени. Он художник не верхов своего века, а его середины.

Я бы выразил это еще иначе. Л. Андреев – талантливый писатель, но не умный и не образованный человек[1].

Талант есть совершенно особый дар, скажем, «небес». Иногда он «озаряет голову безумца, гуляки праздного». Иногда, напротив, падает он на человека сильного ума и мощной воли. В последнем случае в мире оказывается Гете, оказывается Данте, оказывается Пушкин...

В Л. Андрееве талант, – стихийное дарование беллетриста, не соединяется ни с остротой мысли, ни с истинной культурой души.

«Жизнь человека» – одно из самых слабых созданий Л. Андреева, если не самое неудачное. К сожалению, за последние годы Л. Андреев все упорнее стремится разрешать в своих произведениях какие-то общие, «миро-

вые» вопросы. Он все старается быть глубоко-мысленным, хочет философствовать и поучать, и, вместо того чтобы быть прекрасным художником, оказывается довольно наивным проповедником и весьма жалким мыслителем. Темы, выбранные Л. Андреевым в «Иуде», «Жизни человека», «Тьме», – по плечу только титанам мысли, в которых творческая сила соединяется с гениальностью ума: Л. Андреев «смазывает» их с ребяческим простодушием и с комическим самодовольством.

Написать «жизнь человека», вообще жизнь человека, вне условий времени, страны, народа, личности, – задача трудности непомерной. Она была бы под силу разве только Гете, если бы он захотел отдать всю свою жизнь ей, а не созданию «Фауста». Характерный признак недалеких умов – не понимать трудностей; и Л. Андреев разделался с «Жизнью человека» очень просто и очень скоро. Давая шаблоны, он воображал, что дает нечто всеобщее; обесцвечивая драму, лишая ее всяких красок, был убежден, что делает ее всемирной.

«Жизнь человека» – единственное в своем

роде собрание банальностей. Начиная с первого монолога «Некоего в сером», изрекающего такие общие места, как: «в ночи небытия вспыхнет светильник, зажженный неведомой рукой», или: «он никогда не будет знать, что несет ему грядущий час – минута», на протяжении пяти картин действующие лица говорят только плоскости и пошлости. А в то же время автор, никогда не исчезающий за своими персонажами, сохраняет важный вид, словно он влагает в уста действующих лиц какие-то откровения.

В конце концов оказывается, что Л. Андреев о жизни человека знает и может сообщить такие истины: «Молодость и любовь утешают и в бедности», «В удаче все льстят, при неуспехе отвертываются», «Провидение часто не слышит молитв», «Мы не знаем своей судьбы» и т. д. – Поистине, хочется повторить ответ Горацио Гамлету: «Призраку не стоило вставать из могилы, чтобы сообщить только это!» – Не стоило быть художником, чтобы о жизни человека сообщить только всем и без того известное!

Если бы можно было серьезно отнестись

к этому пятикартинному недоразумению в плохой прозе, мы сказали бы, что драма Л. Андреева – клевета на человека. Нет, жизнь человека и душа человека не ограничены только теми ничтожными помыслами и желаниями, теми скучными и трафаретными переживаниями, какие показывает нам Л. Андреев. В человеке, в каждом человеке, и особенно в общечеловеке, есть нечто высшее, есть стремление к идеалу, есть дуновение с неба – «черта начальна Божества», как выразился Державин. И Л. Андреев, конечно, подметил бы эту черту, если бы он захотел творить непосредственно, а не умствовал бы сверх своих сил. Теперь же его драма есть не жизнь человека вообще, а жизнь нарочито пошлого человека, рассказанная к тому же нарочито поверхностным наблюдателем.

Самая форма «Жизни человека» до крайности невыдержанна. Л. Андреев думал создать «стилизованную» драму, но сбивался в исполнении этой задачи на каждом шагу. Все время он старается сделать вид, что у него выведен не данный человек, но Человек вообще,

что у него не любовь такого-то к какой-то, а любовь вообще. Но второй акт превращается в обычную реальную сценку из бытовой комедии, а четвертый сбивается на старомодную мелодраму. Автор не дает даже имен своим действующим лицам, но пригвозждает действие к определенным местностям, говоря об Италии и Норвегии, и к определенной эпохе, упоминая об автомобилях и электрических лампах. Условные старухи, позаимствованные у Метерлинка, условный «Некто в сером», условные «друзья» и «враги» человека чередуются с реальнейшими фигурами доктора, прислуги и т. под. В общем получается безобразный аггломерат, лишенный единства и стиля.

Чуть ли не прав был кто-то, сказав, что единственное живое лицо в этом представлении: свечка.

Поставить «Жизнь человека» на сцене – задача неблагоприятная. Что можно сделать с этим выкидышем? Как влить жизнь в мертвые схемы и скучные трафареты, или как схематизировать, стилизовать сцены мелодраматические и бытовые?

Московский Художественный театр захотел сделать из этой драмы пробу постановок в новом стиле. Как опыт, его попытка заслуживает внимания. Но и в сценической интерпретации оказался целый ряд недоразумений и непоследовательностей.

Декорации все время были «стилизированные». Перед зрителями ставили не какую-либо определенную комнату, но комнату вообще, изображали не бал, а схему бала и т. д. Но с этими стилизованными декорациями не гармонировала несколько игра актеров, самая реальная. «Человек» рычал свое грубое и пошлое «проклятие» голосом провинциального трагика, и на фоне схематической комнаты это было смешно. «Некто в сером» из абсолютной темноты басил свои плоские максимы, как протодьякон на похоронном обеде, и это было смешно вдвое.

Не гармонировали со стилизованными декорациями и костюмы играющих. Они были одеты в определенно современные костюмы. Но разве современные люди живут в общекомнатах, а не в определенных квартирах? И разве доктор, одетый по-докторски, может

попасть к роженице в дом, где окна не настоящие, а лишь схематично намеченные? Что-нибудь одно, г. режиссер!

Сообразно с пестротой самой пьесы, пестрою вышла и постановка. «Бал у человека» был изображен «по Бердслею». Гости сидели там и так, где и как они не могли бы сидеть в действительной жизни: в каком-то проходном зале, рядком, под эстрадой для музыки. Вместо танцующих было четыре декадентских женских фигуры, изгибавшихся *a la miss Dupan*. Зато в первом действии Человек самым заправским актерским способом играл сцену с женой, а в четвертом очень реально изображал отца, любующегося игрушками больного сына.

О самой игре сказать нечего. Играли вообще хуже, чем обыкновенно в Художественном театре. Но надо напомнить, в извинение артистам, что в продолжение трех часов приходилось им декламировать нестерпимые банальности, сохраняя вид, что они говорят серьезно. Слушая со сцены этот поток трюизмов, становилось стыдно и за автора, написавшего их, и за бедных исполнителей, обя-

занных их докладывать нам, и за самого себя.
Хотелось встать и тихонько выйти из зрительного зала.

1908

Сноски

Само собой разумеется, что я говорю исключительно о том образе Л. Андреева, который выступает из его книг. Охотно допускаю, что в частной жизни Л. Н. Андреев (я не имею чести быть с ним знакомым) проявляет много ума, и еще охотнее признаю, что Л. Н. Андреев, окончив курс университета, имеет некоторое право почитать себя человеком «образованным».

[^^^]